

АЛЕКСАНДР
КУСТАРЕВ

Российский пейзаж с Трампом на переднем плане

Единственной страной из «Большой двадцатки», где Дональда Трампа хотели видеть в Белом доме, была Россия. Это показывали опросы, и его явно продвигали официальные российские медиа – вероятно, по указке Кремля, но и, несомненно, убажывая политические вкусы российской публики. «Народ и партия» в России на этот раз были в самом деле едины, хотя их мотивы не совсем совпадали. Обсудим их по отдельности.

Начнем с Кремля. Мне абсолютно ничего не известно о том, как кремлевские функционеры артикулируют свои мотивы в разговорах между собой. Но здравый смысл подсказывает, каковы должны быть их рациональные *государственные* соображения. Власть одной страны должна как будто бы хотеть,

**ПОЛИТИЧЕСКОЕ
ВООБРАЖАЕМОЕ**

чтобы власть другой страны была к ней как можно менее враждебна. В данном случае можно предположить наличие надежды, что Трамп, в частности, будет более снисходителен к геополитическим жестам Кремля.

Трамп, конечно, сделал некоторые шаги в этом направлении и подал сигналы, удобные для Москвы, но всего этого было гораздо меньше, чем, видимо, здесь ожидалось. На чем были основаны надежды Кремля, не очень понятно. Нет никаких оснований полагать, что другая администрация в Белом доме вела бы себя существенно иначе или что Трамп не поведет себя более жестко в дальнейшем. Не говоря уже о том, что больше двух сроков он все равно в президентах не просидел бы. Российско-американские отношения включены в межпартийный консенсус и контролируются Конгрессом. Стратегию в Белом доме по таким вопросам разрабатывают не президенты, а эксперты, и у них есть своя инертная традиция. И сверх всего — отношения с Россией очень мало волнуют американский электорат и никак не влияют на избираемость кандидата в президенты.

Невозможно себе представить, что профессионалы в российском МИДе не знали этого и не разъяснили этого Кремлю. Поэтому приходится предположить, что на самом деле уровень дружелюбия Белого дома не очень волнует Кремль и у него должны быть какие-то иные — более стратегические — основания предпочитать Трампа.

Трамп был удобен Кремлю как изоляционист. Изоляционизм, в отличие от прямых конъюнктурных отношений с Москвой, не периферийная тема американской политической жизни. Мирровая война и последующая американская

гегемония ослабили изоляционизм в политических верхах, но у широкой публики это настроение не агрофировалось и при определенных обстоятельствах может сильно оживиться и возобладать надолго. В частности, если и когда США почувствуют, что больше не распоряжаются мировым порядком и сами вынуждены ему все чаще подчиняться.

Появление Трампа в Вашингтоне может толковаться как признак данной тенденции. Кремль определенно остался доволен: ведь это могло привести к ослаблению НАТО с возможной, хотя и отдаленной, перспективой стерилизации и даже роспуска альянса. Такая возможность тем более вероятна, что дело тут зависит не только от Вашингтона, но и от Европы, а у нее может появиться (и уже появилась) тенденция к большей геополитической независимости от США. Можно подозревать, что Кремль этого хотел и хочет. Конечно, последствия такого дрейфа чреваты опасными неопределенностями для самого Кремля, но, возможно, пока он не хочет над этим задумываться.

Гораздо важнее для Кремля другая импликация американского изоляционизма. Кремль надеется, что он затормозит процесс глобальной бесполюсной интеграции¹, который в Москве, похоже, хотели бы остановить вовсе, поскольку он ведет к возникновению единого всемирного правового (если не политического) пространства, где Кремль лишается свободы рук в управлении собственным народом (гражданским обществом, подданными, публикой, общественностью).

Антиглобализм Кремля имеет и другое рациональное основание. Россия не готова сейчас ни с кем интегрироваться; она не может структурно ассимилиро-

1 О недавних движениях в этой области см.: KUNDNANI H. *European Sovereignty without Strategic Autonomy*. Chatham House, 2021 (www.chathamhouse.org/2021/01/european-sovereignty-without-strategic-autonomy).

ваться ни в каком интегративном модуле – тем более, если ей не гарантирована командная позиция, исторически для нее привычная. К тому же Кремль находится в ловушке своей дурной репутации: даже если он готов отказаться от реликтовых великодержавных замашек, ему никто не верит. Поэтому он начинает все больше беспокоиться, что просто останется за бортом глобального интеграта, как остается пока за бортом любого из существующих (уже или еще) интегратов субглобальных. Отсюда установка: если нам не годится никакой интеграт, то пусть никаких интегратов вообще не будет.

По этой причине изоляционистские прокламации Трампа были восприняты в Кремле с воодушевлением. Американский изоляционизм, даже агрессивный – и в комбинации с попыткой сохранить гегемонию в мире, – законсервирует мировой порядок в виде силового межгосударственного баланса – мечта школы геополитического реализма. А в Кремле сидят сугубые «реалисты» такого толка, умственно зависимые от геополитического дискурса в формулировках, свойственных началу прошлого века. Кремль хочет, чтобы такой порядок был единственно возможным, и, в силу обычного упрямства очень заинтересованной агентуры, выдает желаемое за действительное. Помимо этого, даже самое зачаточное дезертирство Трампа из процесса бесполой глобализации, льстило самолюбию Кремля, поскольку как будто подтверждало нереалистичность мирового порядка без государственных границ – и, стало быть, его правоту.

Посмотрим теперь, почему среди россиян у Трампа-популиста поклонники гораздо многочисленнее, чем где-либо еще, включая сами Штаты, где у него не было большинства голосов даже на выборах 2016 года и где он победил только

благодаря особенностям американской избирательной системы.

К изоляционизму Трампа русские были более чувствительны, чем другие нации. На первый взгляд это странно. На Западе глобализацией недовольны те, кому она угрожает материально, – а именно, угрожает разрегулированным глобальным рынком рабочей силы и демонтажом национальных систем социальной поддержки, велфера. Вряд ли эта перспектива как-то волнует российскую публику. Тут ей терять нечего: российский велфер все равно беден и коррумпирован, да к тому же почти не доступен гастарбайтерам. В материальном плане россияне могли бы от глобализации как раз выиграть, если бы постсоветская власть в России сумела создать благоприятный инвестиционный климат. Но этого не удалось, из-за чего россияне еще больше обозлились на глобализацию, и в результате у них активизировался компенсаторный суверентизм.

Российское общество экзальтирует свою государственность. Это предопределено историческим имперством и содержательной скудостью неустоявшегося национального нарратива. Высокая культура «российства» либо внушена европейским духом, либо напрямую заимствована (переведена). «Российство» сейчас больше, чем кто-либо, объективно предрасположено к полному растворению во всеобщем, глобальном. Без государства «российство» теряет собственное лицо – не видит себя в зеркале. Соответственно, в России возникает и самый радикальный, чисто рефлексивный, «народный» (*grassroot*) антиглобализм. Народу суверенитет нужен, чтобы себя обозначить.

Это может показаться несерьезным по сравнению с чисто материальным антиинтегративным (типа евроскепти-

цизма) мотивом клиентуры «социального государства». Но все более многочисленные эмпирические свидетельства, на которые раньше просто не обращали внимания, указывают на то, что потребность в самоидентификации нередко сильнее любой «животной» потребности человека. «Родина или смерть» – гиперболоа, разумеется, но очень по делу. В российской среде, с ее долгой материальной скудостью, склонность к символическому самоутверждению всегда была гипертрофирована.

Другой мотив российских адептов Трампа – антисоциализм. Часть российской общественности (преимущественно либералы) убеждена, что Демократическая партия США тяготеет к социализму, Трамп против нее, и, значит, Трамп – «наш человек». Но бескомпромиссный негативизм к социализму и его широкое распространение в России сами нуждаются в объяснении. Это не просто несогласие с социалистической доктриной. Никто не обязан быть социалистом, и критика социализма солидно аргументирована. Но российский антисоциализм имеет мало общего с рациональным несогласием. В его основе все та же потребность в самоутверждении. Вот как он приобрел эту инструментальность.

Негативная условно-рефлекторная реакция на само слово «социализм» возникла как результат травматического жизненного опыта в условиях советского режима, упорно прокламировавшегося именно как социализм. Но позднее демонстративный антисоциализм стал статусным признаком. Аутентичных советских людей, то есть тех, кого социализм вполне устраивал, прозвали «совками» и приписали им непрестиж-

ные свойства: конформизм, неуспешность, скудоумие, неосведомленность. Предполагалось, что понимание ущербности социализма свойственно социальному характеру более высокого пошиба с прямо противоположными свойствами.

В дальнейшем эта инструментальность антисоциализма еще более укрепилась. Когда кремлевский социализм в России уступил место капитализму, отказавшись от предложенного Горбачевым «социалистического выбора», возникла непредвиденная неловкость. Капитализм (его местный вариант во всяком случае) оказался совсем не таким раем для всех, как предполагал негатив официальной кремлевской идеологии. И, что еще страшнее, Запад оказался намного более «социалистическим», чем уверяла кремлевская пропаганда, и тем не менее – а может быть, именно поэтому – преуспел.

Возникло подозрение, что с капиталистическим выбором слегка поторопились. Но признать это оказалось невозможно. Для обновления самой концепции социализма или поисков какой-то новой парадигмы общественного устройства нужны были заинтересованные в этом агентства, особая умственная активность и очень изощренный дискурс. Ресурсов для этого у российской общественности не оказалось². А просто объявить о возвращении к социализму было психологически неприемлемо из соображений престижа. Так и вышло, что даже те, кто шельмует «лихие 1990-е» и пытается теперь реабилитировать созданный сталинской кличкой госплановский габитус, оплакивают его не как социализм, а как якобы эффективный этатизм и утрачен-

2 Не только российская общественность испытывает трудности с новым левым дискурсом. На Западе он тоже не появляется, отчего неуклонно теряет позиции социал-демократия, слишком сросшаяся с государством и увязшая в межпартийном (теперь уже неолиберальном) консенсусе. Как видно, ее историческая роль выполнена и она больше не нужна.

ное «величие». Само слово «социализм» как будто бы вообще табуировано.

Проще оказалось распространить негативизм в отношении социализма на Запад – на социалистический Запад и во всяком случае на левоцентристскую часть его политического поля. Поскольку там всегда комбинировались социализм и либерализм, это могло бы оживить интерес русских либералов к социалистическим практикам, но произошло прямо противоположное: антисоциалистический рефлекс потянул их направо. Как бы ни был им стилистически неприятен «жлоб» Трамп, они закрывают на это глаза. Из инстинктивного нежелания ассоциироваться (тем более отождествиться) со считающейся левой элитой, они теперь сокрушаются по поводу благожелательного отношения к иммиграции, покровительства этническим (расовым) меньшинствам, экологического алармизма (даже умеренного) и других установок левоцентризма. Это объединяет их с агентурой плебейского консерватизма, которой как раз импонирует «жлобство» и антиэлитизм Трампа³.

Антиэлитизм риторически артикулирует конфликт управляемых и управляющих. Его участники по установившейся конвенции называют друг друга «элита» («истеблишмент») и «народ» («массы»). Народ относит к элите исполнителей нескольких ролей в обществе: профессиональных политиков, государственную администрацию, разного рода аналитиков (особенно работающих по заказу), крупных собственников и их приказчиков (менеджеров) с их обширной клиентелой. Оснований для антиэлитного умонастроения сейчас

более чем достаточно. Элита все больше становится уверена (часто не без оснований), будто лучше народа знает, что народу нужно, и в силу своего экспертного знания имеет право навязывать ему то, чего он не хочет. Она все больше закрывается после долгой эпохи широкой социальной эмансипации социальных низов. Элита картелизировалась на основе весьма широкого консенсуса и, таким образом, стерилизует режим партийно-представительной демократии. Она становится все больше похожа на советскую партократию. Уже одно это раздражает публику даже независимо от того, что элита делает. И срабатывает простое правило: все то, что делает антипатичная нам агентура, плохо, неправильно, аморально.

Но тут возникает аномалия – да и противоречие. С одной стороны, если большинство (народ) одной страны выражает симпатию и доверие антиэлитному лидеру в другой стране, то он должен как будто бы делать то же самое в своей стране – не так ли? Тогда на основании рейтинга и избирательного большинства следует считать, что российский Трамп – это Путин. Но, с другой стороны, Путин – это персонификация картеля (корпорации) власти, то есть элиты по структурной роли в обществе (по функции). Только еще более монолитной и неустранимой и, стало быть, еще больше похожей на советскую партократию, чем элита на Западе. Получается, что народ, наоборот, лоялен элите? Абсурд?

Этот абсурд, однако, устраняется неожиданно легко. В западных странах агентура антиэлитизма, мобилизуясь, насколько ей это удастся, выступает против собственной элиты, которую она

3 О том, как агентура антисоветских либеральных настроений превращается в агентуру антизападных антилиберальных настроений см. в: Кобрин К. *Либеральная интеллигенция и постпутинский консенсус* // OpenDemocracy. 2020. 2 сентября (www.opendemocracy.net/ru/liberalnaya-intelligentsiya-i-postputinskiy-konsensus/).

с полным основанием видит как часть глобальной космополитической, то есть как денационализированную и даже антinationальную и (по импликации) антисоциалистическую. Популисты даже прямо обвиняют элиту в том, что она выбрала себе другой народ, что в Германии обозначается термином *Umvolkung*⁴. А российская элита позиционируется как защитник народа от глобальной элиты. В результате антиэлитизм просто переадресован некоей внешней силе (агентуре) за пределами России. Так суверентизм, антисоциализм и антиэлитизм поддерживают друг друга. Так Кремль и немалая часть российского общества оказываются солидарны.

Насколько этот союз устойчив и кто из его участников менее надежен?

Российская ситуация, несмотря на свою парадоксальность, на фоне западных стран совсем не обязательно обречена как пережиток уходящей эпохи национал-государственного суверентизма. Тенденция к бесполоусной глобальной интеграции, безусловно, есть, и нынешние полюсы господства будут изжиты. Но им на смену вполне могут прийти другие. Некоторые – знакомого нам образа как, если угодно, новые государства на месте старых с теми же или иными параметрами суверентитета. Или полюса, которые мы сегодня еще никак себе не представляем. На самом деле ни тенденция к интеграции, ни

тенденция к дезинтеграции никогда не прекращаются – они параллельны. Именно так и было на протяжении всей послеримской европейской истории, и в рамках данного хронотопа были отрезки, когда одна из двух тенденций была сильнее и более заметна. Как раз теперь всемирная интеграция опять как будто бы останавливается. На это указывает появление Китая в роли второй сверхдержавы; упорное выживание таких фигурантов, как Куба, КНДР, Иран; усиление евроскептицизма и, кстати, само (пусть мимолетное и курьезное) пребывание Трампа в Белом доме. Но если это так, то Россия не плетется в хвосте «прогрессивного» Запада, а наоборот, опережает его в наступившей фазе цикла, которая исторически может оказаться весьма длительной. Во всяком случае достаточно длительной для того, чтобы сохранился авторитет доминирующего ныне суверентизма и возникло бы вполне респектабельное представление об альтернативном варианте глобализации как об «интернационале националистов». В евросоюзном нарративе он уже артикулирован как концепция «Европы наций». В глобальном масштабе он менее заметен и пока обнаруживается только во взаимных комплиментах национал-патриотов. Одним из первых таких энтузиастов чужого национализма был *black sheep* британской политики Джон Энох Пауэлл⁵,

4 По-русски «замена народа». Таким термином нацисты обозначали замену коренного населения на завоеванных землях немцами. Теперь правые популисты, используя это слово, хотят приравнять политику западных либералов в отношении мигрантов, а также переноса производств в страны глобального Юга, к этой заведомо порочной (и преступной) практике. Типично для нынешней статусно-рессентиментной перебранки, все больше вытесняющей рациональный обществственный разговор.

5 Джон Энох Пауэлл (1912–1998) – британский политик, филолог-классик, поэт, журналист. В 25 лет стал профессором Сиднейского университета, во время Второй мировой дослужился до высокого чина в разведке, после 1945-го вступил в Консервативную партию, министр здравоохранения в 1960–1963 годах. В 1968 году произнес скандально известную речь «Реки крови», где выступил против иммиграции в Великобританию из бывших колоний. Речь пользовалась и пользуется популярностью среди британских ксенофобов и крайне правых. Большинство политиков и общественных деятелей страны считают взгляды Пауэлла расистскими. В 1989 году посетил СССР; выступал за союз Великобритании с обновленным СССР для поддержания политического баланса в Европе после воссоединения Германии.

поощрявший российский национализм в начале 1990-х. Трамп появился в этом русле, хотя, конечно, за американским оборонительным суверентизмом всегда просматривается гегемонизм.

Но когда все же в следующей фазе (или даже уже теперь) возобладает тенденция к интегративной (беспольусной) глобализации, наметившаяся уже в пацифизме с начала прошлого века и после срыва в 1914–1945 годах (своего рода «Тридцатилетняя мировая война») зашедшая уже весьма далеко? Ведь именно тогда нынешние российские мышление и политическая практика все-таки окажутся неуместными. Как же их можно будет преодолеть? И кто их тогда будет изживать? Политическим путем это сделать не удастся. Для этого прежде всего нужно, чтобы существовала политическая сфера, а ее сейчас в России просто нет. Может быть, именно потому, что народ и власть едины. Когда у власти популисты, политическая сфера не нужна. Но тогда это заколдованный круг, который даже если и будет как-то разорван (в частности, если сама власть по доброй воле создаст для этого условия, как это сделали монархия в 1905 году и советская власть в 1990-м), рассчитывать на избираемое большинство глобалисты не могут.

Умонастроение любого народа вообще крайне инертно, тем более нынешнее умонастроение российских масс. Симптоматично, с каким яростным презрением публика клеймит Михаила Горбачева и элиту 1990-х, пытавшуюся (пусть хаотически и наивно) как раз глобализовать Россию. Так называемая «народная среда» не может породить движение за полное участие России в глобальной интеграции. Глобализация, как становится все яснее, вообще не есть прерогатива и миссия народа – к худу или к добру.

Кремлевская власть («своя элита») тоже не может открыто предложить глобализацию на выборах. Тут же появится какое-нибудь другое популистское традиционалистское движение и если не выиграет выборы, то поляризует общество с тяжелыми последствиями. Все зрелые европейские государства сейчас опасно близки к такому развороту. Как это происходит, только что продемонстрировали США. Чего уж можно ждать от России?

Остается неполитический (недемократический) способ – фактическое растворение правящего слоя, то есть условной «кремлевской власти», в глобальной элите, прикрытое антизападной риторикой. То есть примерно то же самое, что происходило до недавнего времени в европейских государствах и теперь привело к кризису политической сферы. Наверняка есть конспирологи, которые уверены, что именно это уже происходит. Вряд ли это так. В частности, потому, что в роли элиты пока выступает много исполнителей, искренне разделяющих суверентистский синдром населения. Значительный ее сегмент к тому же имеет достаточно оснований опасаться, что интеграция грозит его личному благополучию. И элита в целом опасается, что не сможет сохранить контроль над обществом, отказавшись от изоляции. Но исключать, что рано или поздно изменится умонастроение элиты и что она переменит свою ориентацию, никак нельзя. И тут даже нет никакой российской специфики. Популизм нынешней кремлевской власти очевиден. А любая популистская власть кончается перерождением.

Но есть еще одна трудность. Для такого разворота российским перекрестцам в интеграционизм нужны надежные партнеры вне России, которые потом их не оставят. К сожалению, западные

партнеры Горбачева и его дипломатов оказались очень ненадежны и помогли его инициативе сорваться. Этот прецедент, кстати, объясняет чрезвычайную осторожность нынешнего Кремля и его преувеличенные надежды, что деятели вроде Трампа помогут надолго законсервировать и легитимизировать

суверентизм, избавив таким образом российскую власть от необходимости каких-то творческих усилий.

Имманентная этому порядку вялая «холодная война» (худой мир вместо доброй ссоры) ее не пугает. В ней агентура самолюбия и рессентимента чувствуют себя как рыба в воде.